

Почему — «Евгений Онегин»?

ПЕРЕЧИТЫВАЯ
КЛАССИКУ

Великий роман Пушкина назван именем героя; понять роман — это значит прежде всего постигнуть существо и судьбу того, чье имя: ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. Как воспринимаем мы имя пушкинского героя, с чем оно у нас связывается?

Где-то на заднем плане давно застыла ассоциативная связь с «Онегой», северной рекой — и это единственный образный обертон, который у нас порождает имя пушкинского героя. (Лермонтов своим Печориним закрепил эту ассоциацию, — однако, по-прежнему она остается какой-то необязательной, случайной, ничего не говорящей о существе героя, который родился ведь «на берегах Невы», а не Онеги). По существу же имя пушкинского героя (как и сам этот персонаж) воспринимается в плане бытового правдоподобия: мы как бы подставляем «недостающее» отчество — и читаем историю о Евгении Александровиче (или Петровиче, Андреевиче) Онегине.

В 1922 году в журнале «Вестник литературы» была напечатана заметка А. Россова, в которой говорилось: «Откуда Пушкин взял имя своего героя в бессмертном романе «Евгений Онегин»? Конечно, с достоверностью ответить на это нельзя. Но есть основание думать, что поэт списал это поэтическое имя с самой прозаической вывески, на которой случайно остановился его взгляд. (...) В Торжке мне рассказывали, что в начале нынешнего столетия здесь умер в глубокой старости Николай Евгеньевич Онегин. У него было несколько профессий, был он одно время булочником, был портным, был банщиком. Отец его Евгений Онегин занимался одним портняжничеством и имел вывеску. (...) Пушкин хорошо знал Торжок. Несомненно, ходил по его улицам и читал существовавшие тогда вывески. На одной из вывесок в пушкинское время было написано: «Портной Евгений Онегин». (...) Конечно, грациозное и романтическое имя Евгения Онегина с вывески смотрело грубо и говорило душе человека столько же, сколько говорит нам сейчас, положим, имя какого-нибудь Поликарпа Сидорова. Но пройдя через красоту романа Пушкина, оно получило из него грацию. Таково свойство поэзии.»

Однако, имя пушкинского героя — как и сам роман — противится прочтению в рамках такого рода «бытового правдоподобия». Во-первых, герой романа не имеет отчества, и это — как увидим ниже — не случайно; во-вторых, среди русских дворянских фамилий не существовало фамилии «Онегин». Оба эти факта наводят на мысль, что сочетание двух слов: «Евгений» + «Онегин» являет собой, так сказать, «словесную эмблему» героя, хранит в себе некое «значение», скрытую информацию о своем владельце.

Начнем с того, что пушкинский Евгений — это один из многочисленных Евгениев русской литературы XVIII — начала XIX веков. Это имя героя не только было частым — но оно еще имело определенное, закреплённое значение: в соответствии с прямой этимологией слова (Евгений — в переводе с греческого «благородный») это имя предназначалось только для героя «благородного» — дворянского — происхождения. Вот один из тезис пушкинского Евгения — герой популярного романа А. Измайлова «Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799—1801): это развратный и дурной молодой дворянин — и автор наделяет его вполне «разоблачительной» фамилией Негодяев. «Значачище» имена и «говорящие» фамилии были употребительны в литературе 18 века; пушкинское же творчество глубочайшим образом связано с литературной традицией 18 века — и не только завершает ее, но и существенно преобразует. Это видно и на таком частном примере, как «именование». Вполне оправданным было бы предположение, что не только личное имя (Евгений), но и фамилия героя что-то «означает». Но что? Здесь следует вкратце вспомнить то, что мы знаем о существе этого образа.

Роман Пушкина — это прежде всего духовный портрет

«героя времени»; время же поистине было во власти «духа отрицания», когда ропот вечной неудовлетворенности, индивидуалистически-мятежная гордыня ума и «онемелость», охлажденность чувств были разными симптомами одной «болезни скепсиса», поразившей современного человека. В нашем пушкиноведении давно было установлено, что понимание образа Онегина требует сопоставления с демоническими героями мировой литературы, и прежде всего — с Мельмотом (роман английского писателя Метьюрина «Мельмот Скиталец» автор «Евгения Онегина» называл «гениальным»). Демонический Мельмот и его ближайший литературный предок — гетевский Мефистофель — оказались особенно актуальны для Пушкина в период так называемого «южного кризиса», ко времени которого и относится зарождение романа «Евгений Онегин». Проблема современного человека охватывается Пушкиным во всем ее масштабе — от психологической достоверности и социально-исторической конкретности до вечных вопросов человеческого бытия. Поэт задает своему герою масштаб не «бытового типа», а «вечного», философского образа (см. пушкинскую заметку о стихотворении «Демон») и вместе с тем хочет найти для своего «духа отрицания» — неповторимую индивидуальность современного человека. Эту синтетически сложную природу онегинского образа не раз отмечали советские исследователи. «Онегину надлежало носить черты демонизма» — однако ему «прежде всего надлежало быть русским характером, органически связанным с русской действительностью» (И. Медведева); «образ Онегина синтетичен... Онегин вместил в себя и бездумного «молодого повесу», и «демона», искушающего провидение своей «язвительной речью» (И. Семенко).

Попробуем теперь в этом свете взглянуть на загадку именования пушкинского героя. Сравнивая его имя и фамилию, нельзя не заметить, что они как бы зеркально отражаются друг в друге:

евГЕНИЙ — оНЕГИн: ГЕН-НЕГ

При таком «отражении» явно выделяется в фамилии героя некий «корень». Но с чем же можно соотнести это «нег»? Прежде всего, конечно, с «регой»: Онегин — «дитя неги», модный сибарит, и это весьма существенно для всей темы «бурных наслаждений» и ранней пресыщенности героя. Но поиски смысловых ассоциаций нельзя ограничить только областью русского языка: вспомним, сколь велика роль в романе иноязычной стихии, которую Пушкин использует самыми разными способами; один из них — смысловая игра на прямом созвучии русского и иностранного слова (характерный пример этого — эпиграф второй главы). Стоит только учесть и такую возможность выхода смысловых ассоциаций, как «корень» онегинской фамилии открывает свою подлинную глубину: он оказывается самым ближайшим образом связанным с «NEG»: это как бы кратчайшая «языковая эмблема» для обозначения понятия отрицания (отсюда и русское слово «негативный»); она-то и образует основу онегинской фамилии, которую с полным основанием можно было бы «перевести» так: Евгений Отрицатель!

Но в слове «Онегин» открывается еще одна смысловая грань: оказывается, сочетание «ОНЕ» (ОНЕ-гин) полно значения не меньше, чем «НЕГ». Чтобы его открыть, надо обратить внимание на одну особенность того, как Пушкин рассказывает о духовном недуге своего героя — о его «холоде скуки»:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу.

Здесь бросается в глаза вот что: Пушкин как будто умышленно не упоминает еще одного термина «болезни века» — а именно французского «ennui». Его отсутствие

выглядит тем более непонятным (учитывая исключительную точность Пушкина при воспроизведении культурно-исторических реалий), что этот французский термин был общеупотребительным в европейской литературе. Даже в Британии первенство принадлежало именно французскому слову, а не коренному английскому «сплину»; например, Байрон писал в «Дон-Жуане»:

Французское eppui не без причины
Так привилось в Британии у нас;
Во Франции нашло себе название
Зевоты нашей скучное страданье.

(Перевод Т. Гнедич)

Рене Шатобриана и Адольф Констана — это классические «eppui» европейской литературы; английская писательница Мария Эджворт ставит это слово в заглавиях своих «повестей из светской жизни». Вдумываясь теперь в объяснение того загадочного факта, что автор «Евгения Онегина» обошел молчанием общепринятый французский термин — мы вдруг находим ему объяснение очень простое: Пушкин приберег «eppui» для иного назначения — он «включил» его в фамилию героя! И вот каким образом: если воспроизвести по-русски это французское слово (подобно тому, как в русский язык вошло английское «sleep» — сплин), то — при вынужденном огрублении — получится что-то вроде «аню». Если теперь нужно было бы (в традиции «говорящих» фамилий) придумать самое точное «прозвище» для героя, пораженного недугом скуки, то (употребляя окончание онегинской фамилии — «ин») можно было бы назвать его:

на русский манер — Хандрин,
на английский образец — Сплинин,

а во французском варианте получилось бы что-то наподобие Анюин. Здесь между двумя гласными просится какая-нибудь согласная; ее-то и дает тот «корень» онегинской фамилии, о котором уже шла речь — и от соединения, переплетения двух корней рождается «словесная эмблема» героя:

Аню + Нег + (ин) = Анегин

Этой «говорящей фамилии» (в которой оказывается зашифрованным огромный духовный материал общечеловеческой культуры) не хватает одного только штриха, чтобы новорожденный собрат европейских «скучающих отрицателей» приобрел подлинно русское обличье: вот здесь-то и срabатывает созвучие с русской рекой Онегой — и герой пушкинского романа в итоге становится ОНЕГИНЫМ. (Тут наконец находит свое действительное место та ассоциация «Онегина» с «Онегой», которую неизвестно было как понимать).

Теперь возвратимся еще раз к имени «Евгений» — ибо в нем скрыта еще одна существеннейшая характеристика героя. В этом имени Пушкину был важен не только традиционный смысл «благородного происхождения» героя: поэт активно использовал скрывающееся в имени «Евгений» значение, чтобы обозначить одну из самых главных способностей своего героя — и сделал это посредством «богатой рифмы»:

Всего, что знал еще Евгений
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений...

И далее следует характеристика Евгения как «гения любви». Поначалу ее можно считать за полуироническое определение того виртуозного доминанства героя, тех успехов в «науке страсти нежной», которые демонстрирует «молодой повеса». Однако по мере приближения романа к финалу выясняется, что герой Пушкина есть действительно гений любви — что это самый высший духовный дар его натуры...

Возвращаясь после всего сказанного снова к сравнению имени и фамилии героя, мы можем отметить ранее сходство и противопоставленность их «корней» («ген» и «нег») распространить, расширить на сами слова: «Евгений» и «Онегин» — это не только имя и фамилия, но это еще и две противоположные стороны единой образно-смысловой характеристики героя. Более того, эти два полюса — «гения любви» и «духа отрицания» — как бы хранят потенцию все-

го развития романа, «аккумулируют» в себе всю драму героя. Поэтому можно сказать, что сама судьба Евгения Онегина — скрыта в его имени!

Предложенное здесь «прочтение» имени героя пушкинского романа, разумеется, лишь гипотеза. В качестве единственной пока существующей ей альтернативы мы напомнили выше о другой гипотезе происхождения имени Евгений Онегин.

Можно ли согласиться с ее автором (которого готовы всерьез принять те, кто читает «Евгения Онегина» только как бытовой роман), что Пушкин «списал это поэтическое имя с самой прозаической вывески»? Поэт, конечно, мог видеть вывеску торжковского портного — но на «вывеске» пушкинского романа это имя значило уже нечто совсем иное. Перед нами — гениально и з о б р е т е н н о е поэтом имя героя, и поразительность его не только в том, что оно есть самый точный и глубокий «духовный портрет» персонажа, но и в том, что оно так легко, красиво и естественно звучит, что оно так пр а в д о л о б н о. Вот, например, жил в Торжке портной — Евгений Онегин...

A. ТАРХОВ

«И назовет меня всяк сущий в ней язык»...

«Мы хорошо помним слова поэта из стихотворения «Памятник»: «...ныне дикий тунгус». Вдумаемся в одно слово — ныне. В нем — сочувствие, продиктованное гуманизмом Пушкина, и одновременно убеждение, что жизнь «ныне диких» народов изменится в будущем. Так оно и случилось — и об этом написал зачинатель тунгусской (эвенкской) литературы Алексей Платонов:

Пушкин! Пушкин! В этот миг
Посмотри, поэт великий,
Погляди, кем стал калмык
И тунгус, когда-то дикий!..
Люди с песней здесь и там
Жизнь прекрасную возводят,—
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит!

Чукотский писатель Юрий Рытхэу вспоминает: первые стихотворные строки, которые он увидел в своей жизни, — были пушкинские; он немного знал тогда русских слов, но эти строки «как бы стали самой музыкой, превратились в цвета, краски, запахи, в шелест листьев, в шум ветра, в гул прибора, в вой пурги в зимнюю холодную ночь».

Не так уж много времени прошло с тех пор, как маленький чукча из далекого поселка Узлен испытал огромную силу воздействия пушкинской поэзии, — и вот ныне он стал известным писателем. Можно себе представить, какого уровня достигла культура народа, еще совсем недавно не имевшего своей письменности, если в нем вырос мастер слова, чьи произведения читают ныне повсюду у нас и далеко за пределами нашей страны.

Литература стала неотъемлемой частью культуры малых народов Севера; большую роль в этом сыграли переводы русской и мировой литературы — и, прежде всего, переводы произведений Пушкина, появившиеся на Севере одновременно с письменностью этих народов. Чтобы понять все значение, которое имела пушкинская поэзия для молодых литератур, следует вспомнить, что развитие каждой из них чаще всего начиналось в традиционных формах, бытовавших в устно-поэтическом творчестве. Разумеется, литература не могла оставаться в этих рамках; но для овладения новой литературной традицией необходимо было учиться. Пушкинское творчество стало лучшей школой для поэтов и прозаиков молодых литератур Севера. Слово Пушкина проникло в заполярную тундру и сибирскую таежную чащу; его стихи сегодня читают эвенки, эвены, ненцы, нанайцы, ханты,

В МИРЕ КНИГ 6

Издается с 1936 года

Июнь 1979

Главный редактор
Ю. К. ФИЛОНОВИЧ

Редакционная коллегия:

Б. В. АЛЕКСЕЕВ
В. Д. ГОЛУБЧИКОВА
А. Д. ГОНЧАРОВ
Г. В. ГУЗАИРОВ
(зам. главного редактора)
В. И. ДЕСЯТЕРИК
В. Н. ЗВЯГИН
И. П. КОРОВКИН
В. Ф. КРАВЧЕНКО
А. П. МАРИН
В. С. МОЛДАВАН
В. В. ПЕРФИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
А. И. ПУЗИКОВ
С. В. САРТАКОВ
Н. В. ТРОПКИН
В. С. ХЕЛЕМЕНДИК
Ю. П. ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ
Б. С. ЧУБАР
(зам. главного редактора)

Главный художник
В. В. ШЛЯДИН

Художественный редактор
В. С. Бармин
Технический редактор
А. Д. Коняшина

Корректор
В. Н. Советникова

Адрес редакции 129272, Москва
И-272, Сущевский вал, 64

Телефоны:

секретариат — 281-62-35
отдел оформления — 281-50-98
отдел издательства — 281-40-22
пропаганды и распространения
книги — 284-42-39
критики и библиографии — 284-31-51
кигovedения — 281-39-08

Рукописи не возвращаются
Москва

© Издательство «Книга»,
журнал «В мире книг», 1979.

Сдано в набор 28.3.1979.
А01693. Подписано к печати 28.4.1979.
Физ. печ. л. 9,00+1,00 вклейка.
Усл. печ. л. 8,37+0,93 вклейка.
Уч.-изд. л. 12,42+0,78 вклейка.
Тираж 80000 экз. Форм. 60×84 1/8.
Заказ 430.

Ордена Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР
г. Калинин, проспект Ленина, 5

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
ОПЫТ,
ПРОБЛЕМЫ

КНИЖНАЯ
ТОРГОВЛЯ:
ОПЫТ,
ПРОБЛЕМЫ

ИСКУССТВО
КНИГИ

У КНИЖНОЙ
ПОЛКИ

УНИВЕРСИТЕТ
ЧИТАТЕЛЯ

- Ф. Кузнецов 2 Активность гражданских позиций
4 Седьмое, Всесоюзное...
- Г. Родин 8 Нет второстепенного
10 Грамматика Джанни Родари
12 Долгая жизнь и злоключения сло-
вара
- В. Никифорович 15 Работа для души
А. Вулис 17 Приключения приключений
М. Лаврик 19 Право на книгу
- В. Таборко 22 Мера профессионализма
К. Кочин 24 Биография доброго имени
В. Сергеева 26 Вместе с колхозами
К. Лопунов 27 Постигание истин
А. Гольдин 29 Памятка продавца книжного ма-
газина
- Н. Смирнова 31 96 часов из жизни книжников
33 Цветная вклейка
Т. Михайлова 41 Удостоенные наград
В. Курбатов 43 Очарованный резец
Е. Калинин 46 Строгий и нежный образ
48 Побываем в Ростове-на-Дону...
Н. Васильева 49 Читательский атлас совхоза
«Мулянка»
- 52 Справочное Бюро Книголюба
53 Письма читателей
В. Осипов 56 Если вы выбрали профессию...
И. Дрейцер 57 Человек и природа: неизбежен
ли разлад?
- П. Церлюк 59 Трагикомедия ошибок
А. Тархов 61 Почему — «Евгений Онегин»?
Д. Брудный 62 «И назовет меня всяк сущий в
ней язык»...
- А. Алексин 64 Лицо друга
Ю. Песиков 67 «Мы идем на смену»
Б. Андреев 68 Все о Джоне Риде
В. Кунин 69 Алмазы великого мастера
В. Порудоминский 72 Следовать мыслям писателя
В. Муленкова 74 От всего сердца
Е. Немировский 77 Что такое книга?
Я. Барков 79 Пушкинская полка
80 Книжный калейдоскоп

Обложка художника А. Рюмина
Цветная съемка К. Попова